

Влияние государственной политики на традиционные религии в Китае в XX веке.

Научный руководитель – Жукова Людмила Геннадьевна

Попцова Алина Владимировна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра экономики и экономической географии стран Азии и Африки,
Москва, Россия

E-mail: alinapoptsova@yandex.ru

Для Китая XX в. ознаменовался не только кардинальным изменением политического строя страны и внедрением новой экономической системы, но также ломкой прежней системы ценностей, заложенных традиционными религиозными учениями. Под влиянием политики династии Цин, позже - партии Гоминьдана, Коммунистической партии, конфуцианство, буддизм и даосизм претерпевали трансформацию, в большей степени носившую негативный характер: китайская религиозная культура переживала упадок, лишь в конце 1970-х гг. получив возможность для восстановления.

Процесс трансформации религий в Китае начался на рубеже XIX-XX веков, еще в монархический период, в связи с осуществлением курса модернизации «Сто дней реформ», который представлял собой попытку создания современной вестернизированной системы общественных институтов в целях укрепления власти и подразумевала искоренение старых элементов, в том числе религии. В начале XX века фактически произошло окончательное отделение конфуцианства от государства в результате маргинализации придворных ритуалов, десакарализации конфуцианских концепций государственной власти.

В период бэйянского милитаризма в 1912-1927 гг. новые республиканские правители старались сохранить конфуцианские традиции, что способствовало относительному возрождению данной религии. В рамках же радикальной политики партии Гоминьдан (1927-1937 гг.) проводились идеологические кампании по искоренению суеверий и архаичных практик с целью обновления китайского общества, что получило свое продолжение и в коммунистический период правления Мао Цзэдуна (1949-1976 гг.). Принудительные преобразования затрагивали фундаментальные принципы конфуцианства, на которых основывались важнейшие семейные традиции и нравственные ценности. Так, например, брак утратил концепцию священного, приняв десакарализованную, более материалистическую форму. Снизилась роль основополагающего конфуцианского культа предков и сыновней почтительности в результате реформирования похоронных ритуалов в сторону значительного упрощения. Целью подобных преобразований было устранение роли похорон как фактора формирования узких социальных связей. В целом был утрачен ряд традиционных элементов религиозных обрядов, были забыты некоторые даосские и буддийские практики, нарушены принципы семейных взаимоотношений, вмешательство в частную сферу сопровождалось внедрением элементов западной культуры.

С одной стороны, преобразования способствовали модернизации общества и социальных институтов, прогрессу общественного сознания, с другой - подрыву социальных и нравственных ценностей, заложенных в частности конфуцианством. В результате реформ были обновлены устаревшие практики, упрощение обрядовых церемоний сделало их более доступными для широких слоев населения, однако уникальные традиции были утрачены.

Реформирование религиозной сферы сопровождалось не только проектами реформ, идеологическими кампаниями и жесткой критикой в СМИ, но и практическим наступле-

нием на буддийские и даосские храмы и монастыри как участников экономических отношений. Секуляризация земель, конфискация имущества храмов и монастырей, их разрушение нанесли заметный урон культурному наследию Китая. Жесткие притеснения в отношении буддийской сангхи в 1950-х гг. привели к вынужденной профанации монашеской жизни, сокращению служб и обрядовых практик, посвящений в монахи, сокращению численности прихода. Происходило нарушение буддийских религиозных традиций, были прекращены международные культурные и религиозные связи. Религия переживала период изоляции и полного подчинения государству, лишившись свободы действий, материального обеспечения. Террору и репрессиям были подвергнуты многие религиозные деятели, специалисты, настоятели храмов, священники. Таким образом, деятельность буддийских и даосских храмов пришла в упадок, период «застоя» в 1950-1970-х гг. отрицательно сказался на развитии религий в целом.

Наступление «культурной революции» (1966-1976 гг.) совершалось и в отношении частной религиозной сферы, которая приняла форму подпольной в сельской местности, однако частные обрядовые практики среди жителей городов были прекращены полностью.

Период реформ и относительной открытости (1978-1989 гг.) стал наиболее благоприятным для религиозной культуры Китая за все двадцатое столетие. Осознание правительством ценности традиционных религий, которые играли роль консолидирующего фактора, способствовали внутренней стабильности общества и его культурному развитию, стало основанием для проведения политики по восстановлению статуса религий через установление диалога с властью, восстановление в правах религиозных деятелей, возвращение собственности храмам и монастырям. Это способствовало повышению уровня религиозной активности, возрождению культурных традиций, религиозной философии.

Центральное место в новой стратегии развития китайского общества занимают ценности конфуцианства, даосизма и буддизма. Правительством был принят компромисс сосуществования религии и атеистической идеологии, начался процесс адаптации религиозной традиции к социалистическим установкам. Религия играет роль источника нравственных ценностей, необходимых для построения общества сяокан (букв. «зажиточное общество»), которое, согласно конфуцианской философии, должно опираться на этический социальный порядок. Возникает надежда и на дальнейшее гармоничное развитие китайской религиозной культуры в благоприятных политических, экономических и правовых условиях.

Источники и литература

- 1) Афолина Л. А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ : 1978-2015гг. М., 2016.
- 2) Васильев. Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М., 2001.
- 3) Горбунова С.А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М., 2008. 3. Каретина К. С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного Института. Владивосток, 2015. № 2 (26). С. 3-9
- 4) Goossaert V., Palmer David A. The religious question in modern China. Chicago, 2012